

Фань Син растерянно потёр щеку. Что, чёрт возьми, это было?

Хэ Цинмо вёл себя совсем не так, как он себе представлял. Что вообще за ребячество?

Как-то раньше ему казалось, что если кто-то вроде Хэ Цинмо на тебя разозлится, то жди беды. Но Цинмо... Словно дурачился, а не злился. И как ребёнок дулся. Казалось, он хотел, чтобы его успокоили и уговорили...

Нет, ну бред же. Как Цинмо мог так себя вести? Конечно же, ему показалось. Перенервничал, перенапрягся. Заработал слуховые и визуальные галлюцинации.

Выкинув всё это из головы, Фань Син убрал лапшу в холодильник. До завтра она дожить должна была, значит, съест утром.

Потом взял телефон и сравнил то, что написал в записке, с переводчиком. Проверил пиньинь.

Постойте... Всё же верно!

Хэ Цинмо его обманул!

Фань Син неосознанно поморщился.

Он решил ещё раз перепроверить. Заодно потренироваться в написании.

На столе остался недопитый Цинмо стакан с водой.

Макнув пальцы в воду, Фань Син старательно выводил на столешнице каждый иероглиф.

С рождения вокруг он слышал только английскую речь. И никогда как таковой китайский не изучал. Да, бабушка говорила по-китайски, но это был не традиционный китайский, а какой-то южный диалект.

Он немного научился говорить на китайском в детстве, но потом школьная нагрузка уже не позволяла изучать язык. Иногда, очень редко, он ещё мог посмотреть дорамы с бабушкой. Но с каждым годом всё меньше и меньше возможностей представлялось.

Ну и раньше как-то не особо имело значения, умеет ли он писать или говорить по-китайски.

Но теперь всё изменилось. Ему нужно было выучить язык.

Он не злился на ребячество Хэ Цинмо, на то, что его самым наглým образом обманули. В конце концов, Цинмо не собирался над ним издеваться. Это вообще, можно сказать, открыло ему глаза: в его же интересах изучить язык.

Фань Син был из тех, кто уходит в работу с головой. В такие моменты весь остальной мир переставал для него существовать.

Поэтому вздрогнул, когда чужая рука ухватила его за запястье, заставляя остановиться. Он даже не слышал, что Хэ Цинмо спустился, не говоря уже о том, сколько тот стоял за спиной.

Он потянул было руку на себя, но Цинмо чуть сильнее сжал запястье, вынуждая замереть. Он поёжился под серьёзным взглядом мужчины.

— С каллиграфией у тебя совсем всё плохо.

И рукой Фань Сина одним слитным росчерком написал «ужин».

Его каракули по сравнению с красивым почерком Хэ Цинмо смотрелись совсем ужасно.

Но Фань Син даже пошевелиться лишней раз боялся, не то что что-то сказать.

Они были настолько близко, что он мог ощутить аромат геля для душа, тепло тела. Одно неловкое движение — и он бы оказался прижатым к Цинмо.

Хэ Цинмо, казалось, совсем не замечал его стеснения и смущения.

— Всё понял или дядя тебе плохо показал?

Ась?..

Запоздало до Фань Сина дошло: Цинмо всё ещё переживал из-за того разговора. Он повернулся, посмотрев в его глаза.

Если уж по справедливости, то он был немного виноват: ляпнул не то, и вот, обидел Хэ Цинмо. А значит, и ему всё исправлять!

Фань Син набрал в грудь воздуха, собираясь с силами. И, опустив голову, выдавил из себя:

— Я... я... х-хотел сказать тогда м-м... муж!

Он говорил так тихо, что едва было слышно.

Но они были настолько близко, что Хэ Цинмо всё равно услышал.

Фань Син не видел, как изменилось выражение лица Цинмо, как он беззвучно рассмеялся. А после ущипнул за покрасневшую мочку и уже полным веселья голосом добавил:

— Ну-ка, повтори ещё разок погромче. А то, боюсь, я плохо расслышал.

<http://bllate.org/book/12821/1131405>